

У Зайцевых трое ребятишек. Максим — старший, Иринка, на год меня младше, и восьмилетний Колька. Жили они напротив в небольшом домишке.

Наши мамы работали в рыбхозной копильне. Моя мама кладовщиком, а тетка Люда разнорабочей — отмывала бочки да лотки из-под соленой и копченой рыбы.

Зарплату в рыбхозе полгода уже давали мукой, сахаром, подсолнечным маслом, медом, ну и рыбой, конечно. В основном селедкой трех видов: копченой, соленой и мороженой. Сельдь шла на продажу.

Мама частенько, придя с работы, замечала:

— Людка опять в загул ушла!

И завернув в полотенце булку хлеба, испеченную перед работой в духовке, собрав яиц и налив банку молока, отправляла меня к соседским ребятишкам.

— Отнеси, а то голодом, поди, целый день сидят. И банку назад принеси.

Родной отец Максима и Иринки провалился под лед во время зимней рыбалки на Оби. Затем тетка Люда сошлась с Зайцем — так в поселке звали мужичка с приבלатненным говорком.

«Кости у него что крючья: хоть хомуты вешай», — говорили бабки вслед старшему Зайцу. Колька, младший, весь в него пошел. Даже манеру разговаривать, словечки всякие впитывал от отца.

С работой у самого Зайца не ладилось. Перебивался случайными шабашками, а в свободное время «гулял». Гулял зло. Пил вышибающую слезу, взятую в долг Дашихину самогонку, от которой «ехала крыша». Заливал собственную несостоятельность, ругал окружающих и бил тетку Люду, если она с детьми не успевала закрыться в сарайку или спрятаться у нас.

Отец мой долго терпел выходки соседа, пока в очередную попойку не поднял его за грудки, сказав:

— Еще раз увижу пьяного, дух последний из тебя выбью!

После откровенной беседы Зайца словно бабка отшептала. Приходил, извинялся.

— Мишка, вот те крест! Больше не повторится! Видно самогон на табаке, дурной.

— Мне-то... — бурчал отец. — Пацаны растут, на тебя смотрят.

С неделю после разговора Заяц старший не пил, даже забор поправил, а потом снова принялся за старое. Только уже перебрался на соседнюю улицу и попойки устраивал у дружка-тунеядца Борьки Цыганкова.

Вместе с мужем пропадала и тетка Люда, уходила в загул. Бросала детей и с неделю пила, выжимая из себя «последние соки», до тех пор, пока вообще ничего не могла воспринимать: ни тоску, ни радость, ни боль. В «пропащие» дни Максим отправлял к родителям Кольку взять хоть немного денег на хлеб. Пьяный Заяц, увидев сына, долго держал его на коленях, угощал со стола нехитрой закусью, давал немного мелочи, да хлопнув по пятой точке, отправлял обратно, приговаривая:

— Весь в меня!

В коптилке мама прикрывала тетку Люду. Выполняла часть работы за нее, а часть поручала сторожу дяде Ване.

Отец ей выговаривал:

— Тебе надо? Лишняя морока. Бросила бы.

— Уволят же! Кому нужна?

— Пускай увольняют! Заслужила. Ей никто насильно не вливает.

— Да мне не ее жалко, ребяташек...

И отец, поглядывая на меня, замолкал.

Тетка Люда объявлялась тихо. Бледная и опухшая, первым делом трясущимися руками повязывала на голову белый платок и начинала хозяйничать: выбивала половики, мыла полы, готовила еду.

Подобным образом заглаживала свою вину. В глаза детям старалась не смотреть, особенно Максиму. Когда оставались одни, он основные заботы по дому брал на себя: топил печь, носил из колонки воду, проверял у сестры домашнее задание.

Летом в огороде у Зайцев идеальный порядок. Почти весь участок они засаживали картошкой, оставляя немного места под остальные грядки, и брали тридцать соток на рыбхозном поле. Тут даже сам Заяц принимал участие. В эти дни он просыхал и руководил процессом. Еще бы! Знал, в его интересах — частенько посылали с ведром картошки Борьку Цыганкова к Дашихе.

Зачастую зайцевские ребяташки выходили на улицу ближе к вечеру или вообще не выходили. Зато мы к ним частенько навещались, когда они оставались одни.

Заваливались гурьбой, наносили снег на стоящих колом штанах, отогревались у печки, протягивая к раскаленным кирпичам замерзшие руки. И кажется, вкуснее сладкого чая с листьями смородины, которым угощала нас Иринка, я не пил.

В начале зимы поселковой ватагой бродили по реке, искали вмерзших в лед карасиков, готовили битую для «чижа».

Однажды Иринка увязалась с нами, и, случайно оступившись у полыньи, бултыхнулась в воду. Место не глубокое, по пояс, но хватило получить тяжелейший бронхит. Тетка Люда приходила к нам за таблетками. Топчась у порога в подшитых валенках, делилась с матерью переживаниями:

— И угораздило ее провалиться! Третий день антибиотик даю, температура не спадает.

— Ты врача на дом вызови.

— Вчера вечером приезжал. Целый лист исписал. А толку. Одним отлетом топимся. Утром встаем — дом студеный. Дочка дохает сильно. Боюсь в воспаление не перешло бы...

Вечером мама привела Иринку к нам.

Меня переселили в зал на диван, а ее уложили на кровать за печкой. Мама напоила Иринку таблетками, намазала ноги пихтовым маслом, велела надеть шерстяные носки, а мне дали задание, как можно чаще поить больную чабрецовым чаем с малиновым вареньем.

Иринка прожила у нас три дня. Поначалу я жутко на нее злился за то, что мама, как мне казалось, уделяла ей больше внимания. Но на третий день, когда на улице даванул мороз и от школы нас освободили, мы остались одни дома. Мама, по обыкновению, написала записку, не надеясь на мою память, где перечислила дела по дому. Уходя, напомнила, что остаюсь за хозяина. Ответив: «Угу», я завалился спать дальше.

Проснулся от звонкого смеха.

— Вставай, лежебока! Тебе записка, — Иринка забавно морщила курносый нос. — Первые два пункта — помыть посуду и пожарить картошку — я уже сделала. Осталось повторить математику. Что вы сейчас проходите?

— Дроби вроде.

— Дроби вообще легкотня!

— Тебе-то откуда знать? Учишься классом младше.

— Мне Максим объяснял, садись.

Я сел за стол, мне положили листок бумаги, ручку.

— Дроби в математике — число, состоящее из одной или нескольких частей...

— Интересно, пацаны уже на реке? — спросил я ее, но тут же удостоился укоризненного взгляда.

— Я кому объясняю! Слушай давай. Дроби бывают обыкновенные и десятичные. Разберем обыкновенные. Делитель — числитель, а делимое — знаменатель.

Делая вид, будто вникаю в тему, я внимательно следил за Иринкой. На солнце, пробивавшемся в окна, ее глаза поменяли цвет и теперь стали синими, а еще вчера вечером были серо-голубыми.

Перед Новым годом леспромхоз объявил о сборе шишек: тысяча рублей за килограмм.

«Если собрать двести килограммов, — думал я, — то можно купить привезенные под праздники в районный магазин новенькие коньки, и еще останется на клюшку...»

После школы мы частенько бегали в центр и каждый раз спрашивали у продавщицы: остались ли коньки.

Многие загорелись идеей, только Леха Алексеев сомневался в нашей затее.

У одного Лехи есть коньки. Мы завидовали ему дикой завистью. Особенно, когда, разогнавшись по реке, он резко тормозил и поворачивался боком.

— Видали? — хвастался Леха. — На скорости, бац!.. Поворот на сто восемьдесят! Вам слабо?

Потому Леха и в почете. Все хотели попасть с ним в одну команду.

Когда речь зашла о сборе шишек, Леха напустил на себя серьезный вид:

— Давайте, валите! Пока соберете, зима пройдет.

С зайцевским Максом и однокласниками, Димкой и Андрюхой, мы решили на следующий день отправиться на деляну за шишками.

Вечером пришлось поделиться с родителями нашей затеей.

Мама попыталась образумить:

— Холодрыга на улице, сидели бы дома.

Но меня поддержал отец. Достал из шкафа дедовский тулуп и ватные штаны, что постоянно брал с собой в дальнюю дорогу, поставил сушиться на печку пимы.

Утром я зашел за Максимом. Насупившийся Колька уже сидел одетый на диване.

Тетки Люды дома не оказалось, видно празднование Нового года затянулось.

— Привет, как дела?

— Дела у прокурора. А у нас делишки, — буркнул в ответ малой.

— Чего с ним? — спросил я у Максима.

— От бати нахватался. С нами хочет идти. Занает на полпути — и куда его?

— Не заную! — прохныкал Колька. — На зуб клянусь, не заную! Слово пацана.

— Эх, пацан, — вздохнул Максим и, надевая драповое пальтишко с цигейковым воротником, сдался:

— Пошли, но загундишь — домой один потопаешь, понял?

На улице уже ждали Андрияха с Димкой. Кольку усадили на санки и направились к лесу. Вначале, сокращая путь, шли по глубокому снегу и вскоре выбрели на укатанную лесовозами дорогу.

По колее идти удобно и легко. Мы балдели, толкали друг друга в снег, играли в «сифу». Прошли две просеки, а на третьей увидели табличку на дереве: «Проход и проезд запрещен. Валка леса!».

Мимо нас, со стороны деляны, посигналив и обдав выхлопными газами, пронесся «Урал», груженный бревнами.

Пройдя еще метров сто, мы увидели слева и справа от дороги кучи порубочных остатков — сосновых веток. Вдали виднелся вагончик на колесах.

Лес на рубках — жалкое зрелище. Потрепанный, словно после урагана. Повсюду обломки сучьев, свежие пеньки с выступившей смолой, ошметки коры. Молодняк примят тракторами да лесовозами...

В праздничные выходные на деляне безлюдно. Осмотревшись, принялись за работу.

Шишку нужно собирать темно-зеленую, нераскрывшуюся, в которой есть семена, а ее уже немного на ветках в кучах. Разворошить кучу легко, сложнее собрать, верней, лень. Колька подмерз, но терпел, держал слово. Вдруг за нами раздался треск сучьев.

Оглянулись. Позади стоял бригадир вальщиков леса Алексей Замятин, одетый в белый комбинезон, на ногах охотничьи лыжи.

— Не замерзли? — улыбнулся он. — Сегодня выходной, бригада не работает. А то бы зашли в вагончик, погрелись. Ветки не разбрасывайте, обратно складывайте. — Потрепав Кольку по шапке, сказал: — Ты, малой, следи тут за порядком! —

И добавил, показывая рукой: — В той низине две сосны лежат, шишек должно быть много.

Поблагодарив, мы опрометью ринулись к указанному месту.

Домой вернулись потемну. Родители давно пришли с работы. Мама пекла пироги. Меня сразу усадили у печки отогреваться. Отец сходил за кантариком и взвесил мешок — оказалось почти двадцать килограммов.

Уже лежа в кровати, перед сном, я подсчитал: семь дней каникул умножить на двадцать, получится сто сорок. И добавляется неделя учебная. Со школы приходиться домой и сразу идти в лес. За неделю набрать еще шестьдесят, итого двести. Прием шишек в лесхозе каждую субботу. Выходит — две недели меня отделяют от покупки черных коньков с красными носками и новенькой клюшки.

Следующие четыре дня мы той же компанией отправлялись в лес, а последние два дня каникул ходили только с зайцевскими ребятишками. У Димки и Андрюхи запал кончился.

Нам повезло. После Нового года и Рождества бригада вальщиков вышла на работу и Колька то и дело бегал в вагончик греться и пить горячий чай с конфетами.

Мужики его угощали, а он им травил нецензурные анекдоты. Я даже завидовал тому, как он мог запросто залезть в вагончик и, вытирая заиндевелой рукавичкой соплю, брякнуть:

— Привет, мужики! Греческие? Вот нынче зима заворачивает!..

Лицо у Кольки веснушчатое, широкое, будто блюдце. Характер простой, но настырный, иногда до неприятности. Злился ли Колька, радовался ли, обижался, удивлялся, жадничал, завидовал — все делал искренне, открыто, от души.

К нам подошел бригадир Алексей Замятин.

— Ну, много набрали? Может, вам завалить одну? Сейчас выберу, клейменую.

С хозяйским видом он прошелся по деляне, выбрал толстую разлапистую сосну с двумя вершинами, махнул рукой, призывая нас отойти к вагончику.

В лесной придавленной утренним морозцем тишине раздался рев бензопилы.

Бригадир сделал запил на толстом стволе у корня, а потом с противоположной стороны прошелся круговым движением. Дерево дрогнуло. Скрипнуло. Накренившись в сторону, с гулом начало падать, ломая ветки соседних деревьев. Ударилось о землю, подняв вверх миллионы мелких ледяных хрусталиков, покоившихся на вершине. Мы затаили дыхание, и лишь когда снежная пыль улеглась, Максим ткнул меня в бок:

— Говорят, он сосну на флажок кладет, — кивнул в сторону Алексея. — Профи!

С упавшей громадины мы собрали с Максимом по двадцать пять килограммов шишек. И всю дорогу тащили мешки волоком.

В последний день каникул, в воскресенье, когда мы шли на деляну, я ненароком спросил у Максима, какие коньки ему приглянулись — с красным носком или черные. Но друг почему-то промолчал, зато за него ответил Колька:

— Да он сроду не коньки хочет брать. У сеструхи скоро день рожденья. Платье ей нарядное возьмем и туфли. В подарок.

Он сказал с гордостью, желая похвалиться, но тут же получил от брата пинка по мягкому месту.

— Я же тебе говорил, не трещи.

Колька захныкал, а потом, вытерев слезы, отбежал на безопасное расстояние, крикнул:

— Собака серогорбая!

— Домой придем, я тебе задам! — пообещал ему Максим.

— Кишка тонка! Я бате расскажу, — снова зло выкрикнул Колька.

Максим не удержался, бросился за ним. Свалил его в сугроб, надавал по шапке, засыпал снег за шиворот.

— Хоть кому говори! Мне твой батя нипочем. Приблудыш...

Я с трудом их разнял. Остаток дороги прошли молча. Разговор не клеился. Колька шел позади нас и на деляне крутился рядом со мной, а к Максиму даже не подходил.

Я не сразу заметил Колькино отсутствие. Решив передохнуть, доплелся до Максима — он тоже его не видел.

— Специально прячется. Назло мне. Видите ли, обиделся... Договаривались никому не говорить.

— Сказал и сказал. Деньги твои, как хочешь распоряжайся. Зря надавал. Тем более он меньшей.

Оглядываясь по сторонам, я громко крикнул:

— Колька!

— Колянч! — повторил за мной Максим. — Ты где?!

Мы пробежались по поляне, посмотрели у вагончика, но Кольки и след простыл. Выбившись из сил, завалились на кучу веток отдохнуть, забыв уже, где оставили мешки с собранной шишкой.

— Поди, домой учесал, — вздохнул Максим.

— А если нет? Вдруг в лесу плутанул, — предположил я самый плохой вариант. — Часа два и стемнеет. Где его искать?..

Максим соскочил с места и снова начал кричать:

— Ко-олька! Ко-олька!

Мы решили вернуться, проверить, дома малой или нет.

Шли молча, а ближе к поселку побежали. Кольки дома не оказалось.

— У тебя батя дома? — спросил Максим.

— Ага.

— Надо ему сказать.

Мы залетели в ограду. Отец управлялся со скотиной.

— Рано сегодня. Случилось чего?

В один голос с Максимом крикнули:

— Колька пропал!

— В смысле?

И тогда наперебой мы рассказали о произошедшем.

— Максим, иди домой, — приказал отец, — отогревайся.

А мы вернемся на поляну.

Пока я сидел у печки, отец сбегал к Сергею Бирюкову. Они запрягли коня в сани. Прихватив меня, отправились на поиски.

Начало темнеть.

В течение часа мы рыскали вокруг поляны, кричали, срывая голос, но понапрасну — Колька не отзывался.

— Мишка! Бестолку искать дальше! Возвращаться надо и ментов вызывать, пускай собаку по следу пускают. Если к ночи не найдем — замерзнет в лесу, — подытожил дядя Сережа.

Путь обратно получился быстрее. Уже у поселка отец вдруг привстал на санях:

— Ну-ка, притормози.

Преодолевая снежный борт (дорогу до деляны пробивали трактора), он показывал рукой на одинокую стежку следов, оставленную в глубоком снегу в направлении реки.

— Землянка ваша где? — обернувшись, спросил меня отец.

Ну конечно! Как я раньше не догадался. Нынче осенью в лесу мы соорудили себе настоящий блиндаж. Выкопали яму, накрыли ее толстыми жердями, наверх натаскали мох. Со свалки приволокли сиденья от грузовой машины и буржуйку. Вывели трубу, вставили дверь. Получилось вполне уютное гнездышко. И всю осень провели в землянке, играя в партизан. Следы вели в том направлении.

Колька сидел в углу землянки на старом топчане, укутавшись в рваное одеяло. Догадался даже развести огонь. Всклипывал. Увидев нас, он отвернулся.

— Ну ты, сосед, даешь! Перепугал. А если бы заблудился? Ночь на дворе, зима. Считаю, пропал, — начал журить его отец.

— Не пропал бы, — пробурчал Колька. — Им до меня дела нет. Сеструхе платье хочет купить, она ему дороже. А меня по жопе пинком! За здорово живете. Дядь Миш, он же брат, а? Я ничего плохого не сделал! Вон Саня пусть подтвердит.

— Ну, дружище, с этим лучше дома разбираться, в тепле, — отец с трудом подбирал слова. — Пойдем домой, Колька, пойдем.

— Дядь Миш, а разве я прибудыш?

— Не прибудыш ты! У тебя мамка, папка есть, а это главное. Они тебя любят, и ты их люби.

Эту ночь Колька провел у нас. Отец отправил меня к соседям сказать, чтобы не волновались.

Когда я вошел в дом, Максим с Иринкой сидели одетые на диване, в любую минуту готовые выбежать на улицу и идти искать брата.

— Нашли. В землянке прятался.

— В землянке?! — выдохнул Максим. — Точно.

— Пусть у нас переночует... Сильно обиделся, завтра успокоится. Вы ему портфель только в школу соберите.

Когда я вернулся, Колька уже за обе щеки уплетал горячий борщ со сметаной и рассказывал маме о своих похождениях в лесу. Душа его начала потихоньку оттаивать.

Всю неделю после школы мы собирались и уходили на деляну. Пацаны зазывали играть, но я и Максим упорно шли собирать шишки.

В пятницу произвели контрольное взвешивание — двести три килограмма у меня и двести десять у Максима.

— Давай камней добавим, в весе прибавится, — предложил Максим.

— Крупные не надо, мелкие можно, — согласился я.

— Можно кирпичи набить. У нас вон за баней есть.

В общей сложности шесть кирпичей разбили и рассовали по мешкам.

В субботу после школы загрузили в отцовский ЗИЛ шишки и поехали в лесхоз. У гаражей уже толпился народ.

— Сейчас в два часа начнут принимать! Вон Валентиныч прошел.

— Только весы вынесут...

— Саня Масленок в прошлую субботу на три миллиона сдал шишек.

— Ему бы и не сдавать. Он мужиков рано утром на деляну привезет, они ему свалят дерево поразлапистой, собирай — не хочу.

Вынесли весы.

Лесничий Валерий Валентинович пригрозил:

— Народ! Камни, ключи гаечные из мешков сразу вытаскиваем. Увижу, накажу.

Максим ткнул меня локтем в бок:

— Засекет?

— Тише, поди, проканаает.

Повезло. Лесничий не стал прикапываться. Выписал нам бумаги и показал где касса.

— Вас ждать? — спросил отец. — Или я поехал в гараж, машину ставить?

— Езжай, нам в магазин.

Вскоре получили деньги.

Я представил: держу новенькую клюшку и несусь на коньках... И бац! Поворот на сто восемьдесят градусов!.. Видали?!

Пришли в магазин. Народу почти никого. Продавщица недовольно на нас зыркнула.

— А подайте, пожалуйста, коньки с красным носком.

«Тридцать девятый размер, на вырост, чтоб шерстяной носок залез», — вспомнил я слова мамы, сказанные накануне.

— Доканал родителей, — продавщица достала коньки из коробки и небрежно поставила на прилавок. — На скамейку садись, мерь.

Коньки подошли. Чуть большеваты, но с учетом маминых замечаний в самый раз.

— Сколько они?

— Сто восемьдесят тысяч.

Значит, остается двадцать три и плюс три килограмма кирпича — равно двадцать шесть.

— Клюшку подайте на левую руку.

— Двести пять.

Я оглянулся и только сейчас заметил отсутствие Максима.

— Минуточку подождите, друг тоже хотел купить, мы вместе...

Я вышел на улицу. Максим сидел на крылечке, разглядывая ладони, — на них до сих пор виднелись пятна от смолы.

— Макс, пошли! Ты будешь покупать?

— Мне не хватает. У сеструхи завтра день рожденья. Она хоть и молчит, а я же знаю: мечтает о синем платье и туфлях. В комнате вся стенка обклеена этими платьями и в цветочек, и горошек... Она даже во сне о нем говорит. Второй год в костюме шерстяном ходит.

Я почувствовал — огнем запылали уши и екнуло в груди. Представил Иринку, кружащуюся в вальсе, в платье... и тут же вспомнил плачущего Кольку, трясущиеся руки тетки Люды, выходящей из запоя, и мамины слова: «Мне не ее жалко — детишек! Горемыки».

Не думая, не осознавая, что же мной движет, я протянул Максиму деньги.

— Бери, день рожденья бывает раз в году.

Не скрою, выйдя из магазина с покупками: платьем, туфлями на ремешке, заводной машинкой для Кольки, я уже жалел о случившемся... Мелочи, что осталась, даже на клюшку не хватило.

На вопросительный взгляд мамы и хмурый взор отца я пробурчал:

— Меня на днюху пригласили.

— А где же конь... — выгребая золу из печки, заикнулся отец.

Но его перебила мама:

— Сынок, руки мой, иди кушать!

Вот вам и конь...

Я удалился в комнату, и когда отец вышел на улицу — рассказал о случившемся маме.

В воскресенье я специально долго валялся в постели.

Слушал голоса родителей — утром из-за меня ругались, мама защищала:

— Не лезь! Разберемся!

— Не дорогой ли подарочек? — негодовал отец.

Я жмурил глаза, отгонял от себя мысли: «Остался без коньков, без клюшки...» Пару раз в комнату заглядывала мама — не решалась меня поднять. Разбудил отец, напомнил: надо чистить в сарайках. И ни слова больше.

Заглянул Максим. Застал меня за работой. Помог вывезти пару капотов назема.

— К трем приходи. Вместе подарок вручим, — сказал Максим. — Торт вкусный получился. Иринка рецепт где-то в журнале вычитала.

Мама погладила рубашку, выдала чистое трико.

— Носки посмотри недырявые.

Она заводила тесто на пельмени.

— Ну, оделся? Выйди, я погляжу. Челку причеши, горе луковое.

— Сойдет, — буркнул я. — Не на дискотеку иду.

— В шкафу на первой полке носки шерстяные возьми. Ире подари от меня.

И уже вдогонку добавила:

— Смотри недолго, в баню сегодня...

Стол, накрытый белой скатертью, стоял посередине. Колька шнырял вокруг и пальцем с широкого подноса, на котором красовался торт, подцеплял белый крем и отправлял в рот, а Иринка отгоняла малого полотенцем.

Увидев меня, она залилась краской. Я вручил ей носки, сказал — от мамы.

— Санек пришел! — подал Колька голос из-под стола, куда прятался от сестры. — А то мне сказали, пока ты не придешь, торт не хавать.

С улицы следом вошел Максим.

— Готовы?

В руках он держал два пакета. Мы загорланили вразнобой:

— *Пусть бегут неуклюже*

Пешеходы по лужам,

А вода по асфальту рекой.

И неясно проходим

В этот день непогожий,

Почему я веселый такой.

— *Я игра-аю на гармо-ошке...* — подхватил Колька за нами.

И мы уже втроем орем:

— *У прохо-ожих на виду-у-у...*

Иринка хлопала в ладоши и смеялась.

— Ну, сестренка, поздравляем! Ты у нас уже взрослая, — сказал Максим и протянул ей пакеты. — Иди, примеряй!

— Что там? Скажите! — она осторожно, словно не веря своим глазам, развернула подарки.

— Платье! Туфли! Откуда? Я же никому не говорила...

— Ну, ты пойдешь мерить? — Максим переживал насчет размера.

Иринка ушла в комнату, зашторив дверной проем занавеской. Колька снова наметился на торт.

— Колянныч, танцуй! Для тебя тоже есть подарок.

— Подарок? Мне?.. — у Кольки загорелись глаза.

Максим достал заводную машинку и вручил брату.

— Держи! Заслужил.

— Ни фиги себе! — Колька чуть не подпрыгнул до потолка. —

У Жеки Ромашова такая же!

Он провернул ключик несколько раз, поставил машинку на пол и та, издав своеобразный звук, поехала по неровному дощатому полу. Колька, у которого кроме ржавого грузовика, найденного на свалке, игрушек больше не имелось, светился от счастья.

Иринка смущенно улыбалась. Синее платье в крупный белый горошек сливалось с цветом ее глаз. Белые туфли с блестящими застежками смотрелись классно на маленьких ножках.

— Ну? — Иринка прошлась по комнате.

Максим присвистнул, а Колька, прижимая к груди машинку, вставил:

— Просто отпад!

— А теперь именинница приглашает кавалера на танец.
— С этими словами Максим включил кассетный магнитофон, что выпросил у своего одноклассника на денек. Из динамиков «ИЖ-302» запел Юра Шатунов:

— *Ну вот и все, не нужно мне
С тобою быть и день, и ночь...*

Иринка положила руку мне на плечо. Она вела. Я неуклюже переминался с ноги на ногу, краснел, словно переспелый помидор, и думал: «Хорошо, что надел новые носки, без дырок».

А из динамика доносилось:

*...О, как похож ты, тающий снег,
Своим коротким существованьем.
Мою любовь напомнил ты мне,
Такую же первую, такую же раннюю...*

Максим выключил магнитофон.

— Грустные песни, одно завывание, — сказал он. — Давайте торт кушать!

Торт — пальчики оближешь. Иринка сама его утром испекла. Сверху из смородиновых ягод, выбранных из варенья, выложено число «12». Колька уплетал за обе щеки, размазав вокруг рта воздушный крем — наконец-то дождался.

После играли в «крокодила». Каждый по очереди загадывал вещь или животное, или предмет и жестом, мимикой должен был его показать, а остальные отгадывали. Тянули спички. Первым вадил Колька. Он загадал индюка.

Подбоченясь, махал руками и выпячивал вперед грудь, стигая ноги в коленках, а мы валились со смеху и старались отгадать, кого он показывает:

— Петух! — закричал я.

Колька мотнул головой.

— Гусь! — вставила Иринка.

— Селезень! — смеялся Максим.

Но Колька нас раскусил. Он сообразил, что мы давно догадались, кого он изображает, и просто его мурыжим.

— Нечестно, ясно! Я же понятно показал, — обиделся он и ушел в другую комнату.

— Да индюк, индюк! — разом крикнули мы.

— Пойдем, теперь моя очередь, — вызвался Максим. — Иди, загадывай.

От Колькиной обиды не осталось и следа, он уже улыбался.

— Сейчас придумаю. Никогда не отгадаете!

Мы и не отгадали. На улице раздались голоса, и в дом вошли навеселе тетка Люда и старший Заяц. Всю эту неделю тетка Люда трудилась не покладая рук, а вчера, видно, сорвалась. Повод нашелся.

— Доченька ты моя родненькая! — начала она с порога — Ты думала, я запомнила про день рожденья? А мы с отцом уже отметили твое появление на свет.

Кажется, она даже не заметила меня.

— Тебе подарочек. Олег, где шоколадка?

— Какая шоколадка? — икнул Заяц.

— Мама... лучше бы вы не приходили, — сказала Иринка.

— Тон сбавь! Ты с матерью разговариваешь, — сделал ей замечание Заяц и плюхнулся за стол, стал нехотя ковырять вилкой торт.

— А ты... — Иринка сверкнула глазами. — Вас никто не спрашивает!

— Не дерзи отцу, сучка! — не сдержавшись крикнула тетка Люда и вдруг в комнате наступила тишина.

Максим стоял у окна, на его скулах вздулись желваки. Колька прижался к брату.

Почувствовав неловкость, я встал с дивана.

— Здравсьте...

— А, Сашка, ты! Здравствуй. В гости зашел, поздравить... Дома нормально?

— Все хорошо.

— Оставайся! — сказал Максим, но я понял по его голосу — лучше уйти.

— Я пойду. В баню сегодня. До свиданья.

В ограде меня догнала Иринка. Вытирая слезы, взяла меня за руку и чмокнула в щеку...

— Спасибо тебе. Макс мне рассказал. Это самый лучший мой день рождения!

Радуйся, Иринка, радуйся... Он твой.

Учебная неделя пролетела незаметно.

В выходной с утра небольшой морозец. Прихватывает лицо. Вокруг белым-бело. Иней на деревьях поблескивает на солнце. На ветках калины играют снегири, вырывая друг у друга красную ягоду. Под ногами скрипит снег. Река закована в ледяной панцирь. Сегодня на льду предстоит заруба. Я тру варежкой щеки и нос и вспоминаю ухмылку Лехи Алексева:

— Говорил же вам, ничего не выйдет! Олухи! На шишках коньки решили заработать. Бред!

Я аккуратно отодвигаю новенькой стеклопластиковой клюшкой ветку, преградившую мне путь. Да, новенькой. А на шее — связанные между собой, висят «цеэсковские» коньки с красными носком и пяткой, купленные отцом накануне.